

МАРИОН

Мшины, дынно-желтые и мандариновые, жарились на подъездных аллеях. Собаки, тяжело пыхтя, валялись в тени. В горах, где жила семья Марион, было прохладней. Все, кто гостил у них на ранчо, по словам Марион, приходились им родней — кого ни возьми, все ей братья и сестры.

Большой дом стоял чуть поодаль от плантации, безмятежный и одинокий, словно корабль, весь в изящной запыленной викторианской лепнине. Первая хозяйка, рассказывала мне Марион, была наследница финикового «короля», любимая и балованная, и повсюду уцелели ее девичьи фантазии — и овальные окна, что открывались внутрь, и высох-

ший пруд, где когда-то буйно цвели водяные лилии и резвились заморские рыбки. С пальм, обрамлявших дом, облетали сухие листья. Легко было представить, как все здесь выглядело раньше, всюду угадывалось прошлое — в высоких травах, в очертаниях деревьев по обе стороны дорожки, что вела к парадному крыльцу с белеными колоннами.

Почти все время мы проводили в просторных комнатах большого дома — нянчили малышей, качали их, пели им песенки, звенели стеклянными бусами над их влажными от жары личиками. Собирали пазлы — причудливые дворцы, ухоженных котят в корзинах — и, едва сложив один, тут же брались за новый. Я нашла книгу о массаже, со вкладками, на которых были обозначены активные точки, и мы тренировались: Марион, задрав рубашку, ложилась на живот, а я, оседлав ее, с силой водила по ее спине ладонями, желтыми и скользкими от масла. Марион едва исполнилось тринадцать. Мне было одиннадцать.

Моя мать тогда прихварывала — ночные приливы, пелена в глазах. За деньги она покупала прикосновения: натуропат прикладывал теплые ладони к ее шее, груди; китайский врач делал ей массаж отполированной дощечкой. А я неделями пропадала у Марион — мы уже не разбирали, где чья одежда, ее сводный брат таскал у меня мелочь, а Бобби, ее отец, целовал меня и Марион на ночь прямо в губы.

Как-то раз мы сидели на крыльце большого дома, потягивали по очереди из банки сарсапариллу

и смотрели, как отец Марион копает во дворе ямы. Он собирался хранить там яблоки, выстлав дно сухими листьями.

— Курить охота, умираю, — простонала Марион, передав мне банку.

Я отхлебнула устало, по-взрослому.

— Стрельнем у Джека, — предложила она, не глядя на меня.

Джек, друг Бобби, приехал погостить из Портленда. Поджарый, загорелый, с волосатыми руками. Ночевал он в амбаре, со своей подружкой Грэди — та носила длинные юбки, а волосы перехватывала лентой. Однажды за ужином Грэди подняла руки, чтобы перевязать бант, и я отвела взгляд, увидев у нее под мышками темную поросль.

— Пустяки, поделится, — сказала Марион, выдернув из обрезанных джинсов нитку. Джинсовые шорты она надела поверх любимого ярко-оранжевого бикини — шершавая ткань туго обтягивала грудь, плечи лоснились от солнцезащитного крема. Я тоже была в лифчике от купальника, взятом у Марион, и весь день мне было не по себе от того, как ветерок охлаждал плечи и грудь. Марион, заметив, что я притихла, подняла брови.

— Жарища, вот мы и в купальниках, так? Не стесняйся.

Мужчины заглядывались на Марион в этом наряде, и ей это нравилось. Когда Джек в первый раз ужинал на ранчо, он провожал Марион глазами, когда та вставала из-за стола. В тот день Джек, пока вер-

тел в амбаре для Марион самокрутку, смотрел на нее так, что внутри у меня будто ворочался горячий уголь. Он скользнул по мне взглядом, и я отвернулась, опустила плечи. Больше я этот купальник не надевала ни разу.

Никто из нас тогда не знал, что в древесных стволах копошатся полчища жуков-короедов, откладывают под корой миллионы яиц, несут гибель миллионам деревьев. Бобби пророчил катастрофу, да такую, что Штаты рассыплются, как карточный домик. Задача мужчин — защитить женщин. Все, кто жил на ранчо, делали запасы, замораживали продукты в огромных, немислимых количествах, расчищали заброшенные индейские пещеры, носили туда кувшины с водой. Бобби задумал строить круглую каменную башню в сорок футов высотой на вершине холма — там энергетика хорошая, благодатная. Перед началом стройки вокруг того места устроили шествие с факелами и шелковыми флагами. Мы с Марион наблюдали со склона холма, отгоняя москитов, кусавших нас за ноги. Бобби говорил, что у него целый склад оружия, на случай войны, а мы не знали, в шутку он это или всерьез. Марион в разговорах с ним вечно закатывала глаза, но безропотно глотала невкусную настойку желтого корня, что он давал нам по утрам, чтобы пищеварение было хорошим, а волосы — густыми. «Как у пони», — приговаривал он, накручивая на запястье косу Марион.